

Валерий Сдобняков. Отец Евгений, вот уже не первый год в каждом номере журнала «Вертикаль. XXI век» печатаются ваши заметки, размышления, проповеди, воспоминания, которые в итоге составили содержание двух книг «Последняя тетрадь» и «Молчание», выпущенных одновременно с журналом издательством. Всякий раз ваши публикации с большой заинтересованностью и душевной теплотой встречаются нашими постоянными читателями, отмечающими, что по ним видно какой значительный житейский и духовный путь прошёл их втор. Вот именно об этом пройденном пути я и хочу с вами поговорить.

Евгений Юшков. Возможно, дорогой друг и добрый мой собеседник, наша встреча окажется для кого-то полезной, что-то интересное для себя они смогут из неё извлечь. О чём мне нужно сказать. Если я доживу до августа месяца, то 14-го дня исполнится 40 лет моей хиротонии в диакона, а 28 августа в иерея, и тогда... Что, тогда?

В.С. Где это произошло?

Е.Ю. Милостью Божией и молитвами родителей это произошло в 1980 году в кафедральном соборе города Иванова. Посвящение-хиротонию совершил архиепископ Амвросий — тихий умиротворённый владыка, любящий своих помощников-священнослужителей.

В.С. Для вас это событие происходило в другое время, когда наша Родина жила, в отличие от сегодняшних, по другим социальным и политическим законам, отмечала юбилеи Октябрьской революции.

Е.Ю. Мы привыкли ставить временные зарубки. Называем их юбилеями. Но с недавнего времени мне лично чётко представилось, что речь моя должна быть скорее исповедального характера, а не как отчёт, или подведение итогов. Результат у Бога, и вовсе не факт, что он будет одобрен Богом-Судией, и сразу же прощением. Может быть, будет какое-то наказание — испытание... Там...

В.С. Всем нам без исповеди и покаяния не прожить...

Е.Ю. Вот тут хочется сделать некую оговорку, которая у меня последнее время держится в уме и готова слететь с языка, если представится случай. Вот этот случай и вот оговорка: какие бы события, происходящие в мире, или простые бытовые обсуждения вокруг нас ни происходили, внутри у меня таится мысль о смерти. Как это будет? Каким я предстану?.. Эта мысль обязывает — приводит к покаянию, которое я совершенно не умею делать глубоко и качественно, и, при случае, завидую тем, у которых этот процесс хорошо получается. У таких я как-то учусь, но всё-таки это не моё, и мне оттого печально за себя. Вот недавно был образчик сокрушенного покаяния одного моего прихожанина: «Всё худо, ничего доброго не делаю. Согрешаю всюду и везде: в мыслях, в делах, в словах. Живу как скотина, которую надо накормить. Ничего не отдавая... Согрешаю осуждением всех, и священства и архиереев тоже. Завидую. Согрешаю гордостью, самомнением, саможалением, себялюбием. Сплошной обман во мне и лукавство. И предательство. Не умею любить, даже любящих меня, а это уже сопряжено с мысленным прелюбодеянием. Невнимателен к близким, к окружающим меня. Раздражение, гнев и злость. И непременно всё по-своему хочу. Жизнь проживаю праздно, суетно. Бегу куда-то от себя. Нет смирения, мало

терпения, нет молитвы должной, разве что, иногда внутренней — промелькнёт, посетит. Согрешаю унынием, недоверием к Богу, ропотом на обстоятельства. Согрешаю объядением, чревоугодием и ленью. Просмотром непристойных «видео». Согрешаю недостаточно уважительным отношением к родителям. Согрешаю: редко исповедуюсь и причащаюсь. Сердечно сожалею и каюсь о своих согрешениях».

Исповедь — дело непростое, и бывают очень разные обстоятельства, в которых трудно разобраться, но когда исповедь сопряжена со слезами и рыданием, то запоминается духовником и становится примером.

В.С. Вы из большой семьи священнослужителей, во главе которой стоял ваш батюшка отец Николай — многими и по сию пору уважаемый протоиерей, добрая память о котором сохраняется в благодарных сердцах его духовных чад, наравне с Михаилом Хабарским и Григорием Долбуновым.

Е.Ю. Твоё замечание о советском периоде нашей жизни напомнило сейчас о письме отца, poslanном мне в Кинешму (это было в самом начале девяностых годов) из села Щенники Шарангского района Нижегородской области. Папе в то время было 84 года. Письмо грустное, что было не свойственно отцу. Он в то время, томясь душой без службы Божией (незадолго до того он был почислен «за штат») выпросился в командировку — послужить («куда угодно, только бы послужить»), его и направили на край области, куда добраться-то больших трудов стоило. Там сельский режим, службы редки, а родных — никого, и затосковал наш батюшка, да и годы уже не те, и вот печальные строчки письма: «... Поехал в Щенники... послушание. Слава Богу за всё! Живу у старосты, у них и питаюсь. Службы только по Воскресеньям и Праздникам. Народу мало. Служу третий месяц — покрестил 7 человек, отпел 3-х покойников... После Пасхи, Бог даст, поеду домой. Совсем бы уехал, жалко людей... Храм большой, как собор. Промывают стены, летом собираются расписывать, как оставит их. Но как Бог управит. В Нижнем наш дом под снос и всю улицу нашу, говорят, под снос. Ничто не радует. Храни Вас Господь и Мати Божия на многая лета. Привет настоятелю.

P.S. После сноса дома буду жить в квартире с Людмилой, на Автозаводе на шестом этаже. Что же?»

На конверте штамп: 27 марта 1991 год. К тому времени папа вдовствовал семь лет. Маму мы похоронили в сентябре 1984 года.

В.С. Что было после сноса дома? Судя по дневниковым записям, отец в него вложил много труда, заботы?

Е.Ю. Да! Именно так. Он его постоянно обустроивал, расширял. Семья возрастала, прибавлялась, и дом тоже увеличивался в размерах. Из изначально бывшей холодной веранды, отец сделал тёплую комнату, потом на чердаке появилось ещё две комнаты. Так что дом для отца был особенно дорог, одна его «передняя» чего стоила с множеством икон, лампадок, книг и других старинных вещей. Пойти «на шестой этаж» к дочери, хотя и в одну из комнат, для него было почти неприемлемо. Но печальное «ничто не радует», сказанное в Щенниках, не усугубилось, легко прошло, и радость ещё продолжилась. По окончании командировки и служения в селе, папа возвратился в Нижний Новгород, попереживал о переезде на новое место — в квартиру к дочери, но вскоре ему в епархии предложили служить в только что открытом (отданном государством) храме во имя Архангела Михаила в Большом Козино (это на границе Балахнинского и Сормовского районов), на что папа согласился. Ему определили жильё в доме Лидии: прихожанки, активистки по открытию храма. Эта женщина старательно его опекала — сопровождала в храм и из храма, устроила его быт. Условия оказались хорошими, и папа снова ожил... «Радость» ещё была в том, что я ему помогал служить в храме. К тому времени обстоятельства сложились так, что после некоторых про-

блем со здоровьем по согласованию с кинешемским настоятелем мне был определён «щадящий режим». К тому времени мы с матушкой находились в стадии переезда на жительство в Нижегородскую епархию. Такое состояние длилось примерно полгода. Месяц делился пополам: в течение двух недель я служил в соборе Кинешмы, а в течение двух других с папой. В Большом Козино богослужения проходили по воскресным дням и праздникам. Храм только восстанавливали, народу приходило много, и одному старому батюшке с таким наплывом верующих справиться было не под силу. Как-то всё, кстати, обустроивалось. Было даже предположение, что мне, после возвращения на родину, будет назначение именно сюда, но оказалось, что когда мы, наконец, переехали в сентябре 1994 года, владыка Николай определил мне местом служения город Бор. Сергиевский храм, используемый в советский период как «Дом пионеров», нужно было возрождать к жизни. Об этой истории мы не раз с тобой говорили, да и описывал я её. Можно только повториться, что начинался самый активный и деятельный период в моей священнической жизни. Мне пришлось быть настоятелем Сергиевского храма, возрождающегося, можно сказать, из руин (ничего в том помещении о храме не напоминало) и благочинным Борского округа. Забот не мало.

В.С. Не жалко было расставаться с Кинешмой?

Е.Ю. Кинешемский период составил четырнадцать лет. Он тоже был насыщен всевозможными делами и заботами. По соборному расписанию службы совершались каждый день. Выходной у священника — один раз в неделю, по составляемому настоятелем графику. Но там было всё чётко отлажено, жизнь шла размерено: одна неделя — служащий, другая — требный, третья — по храму, четвёртая — подменяющий. Город Кинешма красив. Два собора — Успенский и Троицкий с колокольней — доминанта. Он нравился всем. Родня периодически к нам приезжала, гостили друзья: из Москвы отец Вячеслав Савиных (надо тут уточнить — будущий «отец»), приехав художником и начинающим иконописцем, месяцев, кажется, через восемь после моей иротионии был посвящён также ивановским архиереем Амвросием во иерея и направлен служить в старинный город Юрьевец (в дальнейшем переехавший в Московскую епархию). Из Владимира — художники. Из Санкт-Петербурга Владимир Закамский. Он влюбился в Кинешму заочно (по моему письму). Они с женой из земли Нижегородской поступили в Санкт-Петербургский институт, по окончании которого там и остались. Владимир приехал бы ко мне в Кинешму (мы дружим, я ещё в художниках был, то есть больше сорока лет), да в силу физической невозможности (не переносит транспорт) не приехал. Так он в библиотеке нашёл виды старой Кинешмы, сделал совершеннейший рисунок, прислал мне кальку, и потом, по согласованию, написал две живописных картинки, очень красивых по цвету и иллюзорные по исполнению. Одну я подарил кинешемскому батюшке, а другую благодетелю из города Бор (ныне покойному) по Сергиевскому храму. Пейзаж и ныне висит на почётном месте у дочери благодетеля, украшает интерьер.

Из Нижнего Новгорода приезжали в Кинешму Александр (Алик) Есеев с женой. Они расписывали один из приделов собора. Ещё Юрий Кузьмин с дочерью, Николай Мидов. Последнему так понравился город, что он мне прислал извлечение из найденной им книги «Воспоминания из путешествий по Волге» академиков Григория и Никанора Чернецовых. Я думаю, это будет интересно вашим читателям, потому стоит этот отрывок здесь привести:

«Время основания Кинешмы неизвестно. Нашествия поляков во времена самозванцев и пожары истребили исторические сведения о начале оной. Она два раза претерпела беды от шаек Лисовского, злодействовавшего в этом крае. В преданиях жителей последнее разорение её, в 1609 году, осталось яснее, и оно увековечено существующей часовнею, построенною над могилою убиенных воинов и граждан, защищавших го-

род под предводительством воеводы Бабарыкина.

В этой часовне ежегодно совершается торжественное церковное поминовение по павшим за отчизну. Следы бывшего земляного укрепления составляют остаток старины в городе. Кинешма расположена на возвышенном берегу Волги при впадении в оную двух рек: Кинешемки и Касоги, при устьях которых находятся слободы, живописно оканчивающие этот прекрасный город, коего лучшие здания расположены по волжской набережной.

На четырёх фабриках, в нём находящихся, вырабатывают большое количество бумажных и холщовых товаров. К пристани в летнее время много приходит судов с хлебом, которым производится здесь значительная торговля. Осенью бывает в Кинешме ярмарка, на которую в течение двух недель стекается много народу. В не города, за речкою Кинешемкой, в тени деревьев находится возвышенное место, называемое Пустынькою, в которой лет за семьдесят проводил в уединении остаток благочестивой жизни один из граждан Кинешемских. Память благочестивой жизни отшельника привлекает к этому прекрасному месту жителей города, где в летнюю жару прохлада теней в живописное положение служит им отдохновением в праздничное время».

В завершении письма Николай приписал: «Часовня, что стоит на площади, при речном вокзале и по сей день, ведь это она и есть, а в честь и памяти кого, и на каком месте поставлена, уж мало кто помнит. Покопаться бы в архивах народной памяти, не всё же выжжено пламенем злодейского времени, а?»

В.С. Я знаю, что вы были хорошо знакомы с одним интереснейшим человеком, жившим, кажется, во Владимире. Вы об этом как-то писали в своих ранних заметках. Нельзя ли сейчас рассказать об этих встречах подробнее?

Е.Ю. Что могу вспомнить сейчас «о человеке из города Владимира»... Я сейчас перебирал в памяти известных моих владимирских той давней поры: Владимира Юкина (известный художник) с его женой Евгенией, любящей литературу и оригинальное творчество мужа. Вспоминал Людмилу Журавлёву, Ангелину Крузову — тонких художников, любителей поэзии и святоотеческого чтения. Юкины давненько уже почили (мне пришлось их обоих причащать, приезжая из Кинешмы), а молодые тогда Людмила, Ангелина и иже с ними, ныне в почтенных годах, старательные молитвенники и иконописцы... Но вот, наконец, вспомнил того человека, который где-то в опубликованных моих воспоминаниях «зацепил» тебя, только он не из Владимира, а из Владимирской области, городка Покров. Это Сергей Иосифович Фудель — в советское время неоднократно сидевший в лагерях только за то, что сын священника и православный христианин. После лагерей в Москву его не пустили, поселили на 101 километре: так они с женой Верой Максимовной оказались в Покрове, где мы и познакомились. В Покровской церкви мы, художники (упомянутые выше Людмила и Ангелина и другие), работали — поновляли стенопись, а Сергей Иосифович всякий раз на Всенощной читал Шестопсалмие. Его чтение тихим, но удивительно проникновенным гласом запало мне в душу на всю жизнь, и я, спустя несколько лет, читая Шестопсалмие в своей Карповской церкви, всегда мысленно вспоминал его интонацию и ориентировался ею. Мне нравилось читать те шесть псалмов, и я ждал вечера субботы (Всенощной), надеясь, что меня благословят. Меня благославляли. В те годы папа был настоятелем Карповской церкви... С Сергием Иосифовичем у нас завязалась крепкая дружба, и мы сравнительно часто встречались и беседовали за чаем в их гостеприимном домике в Покрове.

Здесь уместно добавить, что наше знакомство и дружество произошло по благословению известного лаврского (Троице-Сергиевского) монаха — архимандрита Наума. Настоятелем Покровского храма был отец

Андрей Каменяко — духовное чадо Наума. Известно, что, если «чадо», то такой человек без благословения своего духовника никаких дел (ни личных, ни церковных) не начинает. По вопросу промывки и поновления храмовой живописи, подборки бригады художников отец Андрей ездил в Лавру, где ему был представлен руководитель бригады (будущей, ещё не собранной), недавний послушник (и, значит, тоже «чадо») архимандрита Наума, а в то время иеромонах, Антоний, молодой, физически крепкий и деятельный человек. Ему был определён приход в Литве, и по субботам, воскресеньям и праздникам он должен был там служить, а в Покрове (по послушанию Наума) бывал с понедельника до пятницы. Потому жил по строгому режиму: после службы самолёт Вильнюс — Москва. Из аэропорта на Курский вокзал. Там электричка «Владимирская» или «Петушки». Храм большой — трёхпрестольный. «Леса» в те времена строились полностью из дерева. Стойки — жерди (металлических конструкций ещё не было), но всё делалось надёжно и прочно (в бригаде — женщины). Закупка моющих средств, красок и кистей, всего необходимого. По моему (тогда) ощущению, организационная работа отца Антония не тяготила, даже казалось, что ему не очень охота каждый раз уезжать в Литву. В дальнейшем мы подружались, и на другой год даже ездили к нему в гости всей семьёй. Были в Каунасе и Тельшае. В Тельшае мы жили подольше и немного рисовали пастелью. Сын — Коля, тоже рисовал, ему было лет девять. Это были семидесятые годы прошлого века. Помнится, когда были в Каунасе, в какой-то вечер отец Антоний возил нас смотреть тамошние достопримечательности и к реке Неман, где они с Олей и Колей, нашими детьми, купались. Мы с Ларисой стояли поодаль, довольно далеко, сейчас я уже не помню, почему мы не купались, наверное, чтобы не смущать монаха. Было такое наблюдение. Антоний заботливо и трогательно шёл с детьми к нам с Ларисой навстречу от реки. Может быть, он при этом вспоминал своих близких младших сестёр и братьев, или племянников, которые далеко (подробностей биографических мы не знали, да и не всякий монах о них скажет), но умилительную ту картинку я почему-то помню до сих пор. Любовь к детям. И людям. Любовь к близким и служение им. Он мог со Святыми Дарами поехать, полететь «на край света», по благословению духовника, причём (семидесятые годы) облачение забрано — подпоясано под плащом, и многочасовые ожидания на вокзале или в аэропорту, бесконечные терпения, со Святыми Дарами, надумаешься, как и по нужде сходить, если нет с тобой сопровождающего. Однажды мне пришлось в Тельшае видеть сцену (мы ждали Антония к обеду очень долго, и, наконец, он влетает в дверь, пробегает коридором во дворик, снимает Святые Дары с шеи, вешает Их на дерево и бежит в туалет. (В полноте такое состояние понятно только священнику.) В общем, его жизнь до минуты была переполнена действием, и при этом — чуткое и внимательное отношение к нам — гостям. Удивительная жертвенность человека не принадлежащего себе.

В.С. Но вернёмся к личности С.И. Фуделя.

Е.Ю. Ещё в Покрове был запомнившийся случай, с матушкой моей и детьми. В какой-то приезд я взял их с собой, чтобы поработать в храме, потом ехать в Москву (мы в те годы много ездили, когда были каникулы в школе, а у меня отпуск). Не помню последовательность наших передвижений, но какое-то время (несколько дней) мы жили на веранде у Сергия Иосифовича. Однажды я ушёл в храм, «на леса» трудиться, а Лариса с Колей и Олей, по предложению Сергия Иосифовича погулять по окрестности (не всё же в саду и огороде сидеть, когда их улица на окраине городка — «вон пойдите, только большую дорогу перейти, там и ягодки можно пособирать» — так советовал хозяин дома), отправились в лес. Лариса рискнула, хотя надо сказать, что она всегда с большой опаской принимала подобные решения. Но тут они пошли. И увлеклись. Не заметили, как удалились вглубь лугов и начинающегося небольшого леса. Неожиданно погода переменилась, начиналась гроза. Над ними высо-

ковольтная линия. Лариса потеряла всякую ориентацию, способностью к которой она никогда не отличалась. А лес, грибы и ягоды собирать, любила и всегда по приглашению Маши и Саши (нашими соседями на Бору), с ними ходила, но под их умелым водительством. А тут она заблудилась. И что самое страшное, Лариса всегда панически боялась грозы. «Ещё высоковольтная линия над головой, — это сын Коля произнёс. — Я не напугался, мне было жалко маму». А Лариса сказала: «Молитесь, дети, я не знаю, куда идти, где дорога?» Так и хочется продолжить: «ведущая к Храму». Моя «комсомолочка» взмолилась, это я сейчас размышляю, а тогда мне до священства было ещё примерно семь лет... «Матерь Божия, помоги», — выдохнула матушка вслух. — «Просите, дети». Гром и молния сверкнула. Дома у себя она уткнулась бы в подушку и зашторила окна, а тут, перед детьми, надо изо всех сил держаться. Она и держалась, слёз не показала (да и вообще к слезам не была склонна). И, выходит, что молилась!.. Вдруг, откуда ни возьмись, из кустов выходит старушка, и на вопрос, как выйти — легко и просто указывает направление... Потом, всякий раз вспоминая этот случай, Лариса больше всего выражала удивление: «буквально сделал два шага, а обернулась, чтобы поблагодарить. Старушки не было. Куда она подевалась?..» Вот такой, вот, собственный опыт краткой, но из глубины сердечной вырвавшейся молитвы. Это я сейчас... а тогда — так, поверхностно, поразмышлял. Тогда я был «правильный — верующий», а она «атеистка»... Сейчас я больше всего желаю, когда окажусь Там — это увидеть Ларису и быть с ней рядом... Мне кажется, мы будем рады друг другу.

В.С. Вы учились в Горьковском художественном училище, а в итоге стали священником. Последнее как-то связано с обучением, это оказало какое-то влияние на ваше мировоззрение?

Е.Ю. Про художественное училище... Сравнительно недавно всплыли совершенно неожиданные новости. Получаю большое письмо (к Рождеству и поздравление к Пасхе) из Белоруссии, города Бобруйска Могилёвской области, от некоего Семёна Тихоновича Абрамова. Не сразу получается вникнуть, что за адресат. Читаю. Оказывается: Семён на конверте, а в тексте Симеон — имя, данное при крещении Саше Абрамову. Саша Абрамов, как же не знать, мой однокурсник по художественному училищу, чернявый с прекрасной шевелюрой мальчик, по возрасту на два года постарше меня (я-то был на курсе самый младший и самый маленький). Саша Абрамов (Почему-то фамилия непременно добавлялась. Возможно, потому, что он был детдомовский.) тоже был небольшого роста, чуть выше меня, но крепкий и широкой кости. Молодые и, естественно, активисты. У нас на курсе оказалось много великовозрастных (и даже один участник Великой Отечественной войны) студентов, то есть для многих мы были как дети. И вот в письме прекрасным каллиграфическим почерком подробно описывается Сашина биография, из которой высвечиваются переломные моменты всей страны. Осмысление же наше бывает не сразу, а на каком-то временном расстоянии или по «подсказке» случайно встретившегося человека, как Саша пишет в письме, что он своим духовным ликбезом постоянно занимается уже четверть века. И чем больше познаю, говорит, Божественную мудрость, тем тоньше чувствую присутствие Бога в своей жизни. И приводит пример — жуткий случай: «На закате советской власти (такой слог высокопарный, оправдан тем, что Саша — Александр Тихонович Абрамов — был не только членом партии, а ещё и парторгом) Господь очень жёстко напомнил мне о Себе. 19 июля 1981 года, при трагических обстоятельствах, я овдовел, остался один с двумя детьми — жена Вера была из 4-го Нижегородского детдома, ни бабушек, ни дедушек у нас не было. Вторую жену Господь не послал — живу монахом в миру».

Далее он подробно пишет о детях, внучке, выучившихся и трудящихся в сфере художественной культуры, выражает удивление моей священ-

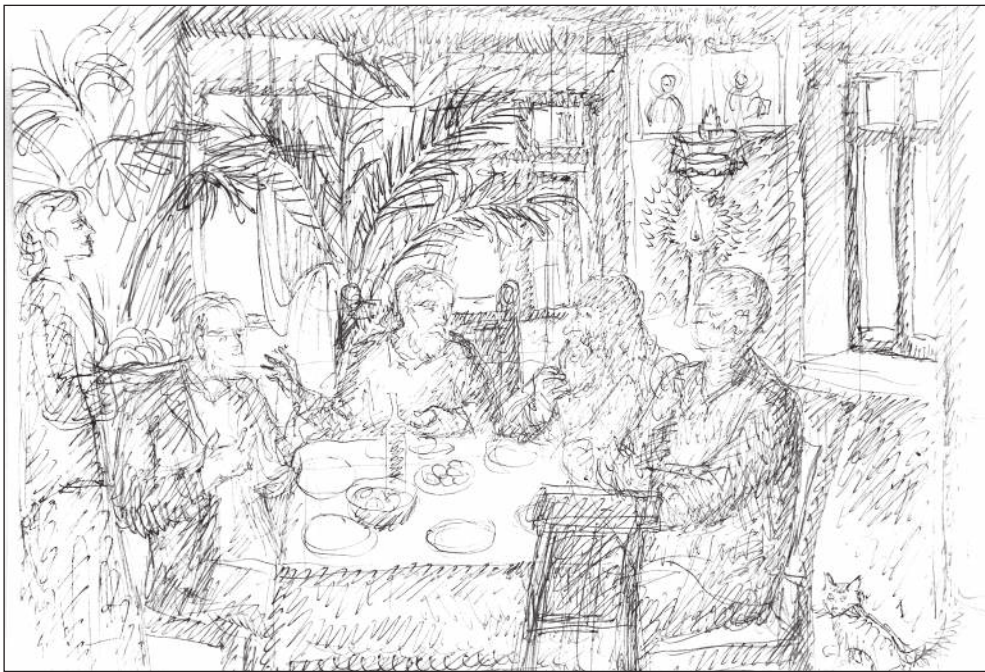

4 курс Горьковского художественного училища, 1956 год.

нической деятельностью, пытается найти, перебирая училищные фотографии, Женю Юшкова в улыбающемся мальчишеском лице. Да, особенно на пленере (художественная летняя практика) мы много фотографировались. Группами и парами. У меня тоже училищные снимки есть, где я

сам себя с трудом узнаю, особенно первокурсника. Мы летнюю практику (писали этюды, рисовали) в Печорах проходили, в Печерской слободе. На территории монастыря в то время размещались «Реставрационные мастерские», а в дальней Преображенской церкви совершались службы. Но внутрь храма мы не заходили (это было летом 1953 года, за мной был и грех, «стеснялся показаться верующим»), рисовали церковь снаружи, со всех возможных точек с неповторимым ландшафтом, домиками, палисадниками, деревянными колодами у ключей-родников со студёной водой, зарослями лопухов и прочей буйной растительностью. Всё рисовали — этюдов было множество. Кстати сказать, лично я не расстался с Печерской слободой до самого пятого курса и дипломную работу «увидел» на одной из улочек, где из ворот девушка выгоняет своих овец в общее стадо, идущее на зрителя. Кажется, картинка получилась. Хвалили, хотя пару овечьих «портретов» пришлось откуда-то срисовать. На этюдах (к диплому) ранним утром (приезжал специально) они мне не позировали.

А Саша Абрамов продолжает в письме своим каллиграфическим бирсером сыпать восторги, по воспоминаниям училищных товарищей, их способностям и дружеству, особенно отмечая «своих детдомовских». Вспоминает, как в зимние каникулы 1954 года Горьковское художественное училище организовало агитпоход на лыжах по деревням Борского района: в нём участвовали студенты из разных курсов, в частности, Виктор Сафронов (ныне народный художник России, а тогда певец с репертуаром Штокколова), Володя Маскаев, Игорь Лягин, баянист и выдумщик на оригинальную подачу (по окончании училища он поступит во ВГИК и станет также известным художником в Нижнем Новгороде) и другие. Девчонки-красавицы: Нонна Новикова и Майя Туликова — эти с нашего курса, Света Рябинина, Инна Шелехова — песни и танцы, веселья было много. Саша пытается вспомнить мою роль в этих поездках, но усилия его тщетны, потому что я в них не участвовал. То, что был Борский район, думаю, это по инициативе Игоря Лягина (его отец в борском Доме культуры «Теплоход» был руководителем театрального самодеятельного коллектива, и это положение естественно могло способствовать проведению подобных праздников). Я же жил тогда в Горьком и о Боре мало чего знал. Это потом я с ним «сроднился». Да и думается, родители бы меня не пустили (да и вопрос я такой не ставил), мне было 16-17 лет, а главное, семья у нас была другая. У нас было Рождество Христово, а Новый год в Рождественском посту, и хотя, находясь на учёбе, я не постился, но домашний климат христианский. А Саша был примерным комсомольцем, чтобы потом стать партторгом. Эту «климатическую разницу» нам и в голову не приходило разбирать, мы жили дружно и уважали друг друга, мне кажется, даже любили друг друга. И только

Первоначальный эскиз Г. Скотиной «С другом я вчера сидел»

теперь (а это «теперь» с 1957 года — окончание Училища, и до 1980-го — год моего посвящения в священнический сан), из нынешнего времени вопрос к Саше-Симеону: как из партийного человека образовался человек-христианин? Трагедия с женой Верой (имя которой уже несёт в себе определённый потенциал) или ещё что-то? Детдомовские-то тоже из «Святой Руси» происходили? Или как?.. И не «детдомовские» вели себя непонятно, судя хотя по этой вставке: «Помню, тогда (в агитпоходе) в одной деревне, — пишет Саша, — зашёл я в храм, построенный из красного кирпича. Дверь была открыта, окна наполовину выбиты; я зашёл в алтарь — в правом приделе на полу лежали богослужебные книги толщиной в три пальца, в кожаных переплётах, их было больше десятка, а на них лежало священническое облачение, шитое золотыми нитями. Я был поражён таким варварством, не мог понять, почему никто из верующих не взял на хранение эти дорогие, во всех смыслах, вещи. С тяжёлым чувством я вышел из церкви. Прошло 60 лет с тех пор, а это впечатление не развеялось»...

В.С. Интересное письмо. Случай с находкой в поруганном храме удивительный. Хотя, вернее всего, нам сейчас трудно понять то время. В родном селе моего отца церковь тоже закрыли, осквернили, сделали из неё склад для зерна (увидел это, когда мальчишкой впервые оказался там, в начале шестидесятых годов прошлого века), но из неё иконы и всё прочее по домам разобрали прихожане — так почему-то я запомнил. Кстати, и крестный ход впервые в своей жизни я увидел в этом селе. Но о прочитанном письме: как вы считаете, почему горькое и давнее впечатление Симеона по прошествии многих лет не развеялось?

Е.Ю. А оно и не могло развеяться. Душа-то она тайна, что в ней происходило полвека назад, и что случилось позавчера, подчас не разобраться. Может оказаться, поймёшь в больнице, если успеешь. Потому было в одной деревне: храм брошенный, а в другой в подобном — клуб, и на сцене (на месте алтаря) танцуют и пляшут, весело живут, да ещё и о «светлом будущем» на комсомольских собраниях говорят. Участвуют, «стало быть, во лжи». И ладно бы поучаствовали, опомнились, да исправились и повернули на «старые рельсы»...

В.С. Так ведь, вроде бы, и повернули...

Е.Ю. Повернули, было и пошли..., да программисты-то не дремали. У них «руководитель» вообще — не спящий и искусный «изобретатель» всяческих козней к отравлению душ человеческих.

И ещё сокрушается Саша Абрамов: «В окаянные годы позакрывали «Детские дома». Их было пять. Наш был первый (из пяти) «Специальный детский дом музыкально-художественного воспитания в СССР». Журналисты его сравнивали с Пушкинским лицеем. Его закрыли последним 29 декабря 2010 года... Сколько вышло из его стен талантливых учеников, продолжавших традиции русской культуры... А ныне дети России стали доходным бизнесом, для этого внедряют сатанинскую ювенальную юстицию.

Такие вот печальные размышления, которые можно было украсить красивыми картинками русского возрождения: восстановление порушенных храмов, строительство новых, воскресные школы, гимназии и семинарии, и вроде бы «Святая Русь» показала своё лицо. И мы были бы правы в созерцании этих картин, если бы не «новое изобретение, изобретателя-врага рода человеческого» коронавирусной эпидемии, свалившееся вдруг, и перевернувшее наше представление, как казалось, будущих перспектив с ног на голову. Господь попустил нам такое испытание, мы обнаружили своё отступление и предательство. Но это разговор особый.

В.С. Спасибо, батюшка, за столь откровенную и поучительную беседу. Впрочем, других наших бесед я с вами и не припомню.

75 лет. Бобруйск, 2011

*Июнь 2020 г.
г. Бор*